

Лауреаты
Международного
конкурса
имени Сергея
Михалкова

Алла Логаева

Апрель, который всё побеждает

Алла Логаева

Апрель, который всё побеждает

**Серия «Лауреаты Международного
конкурса имени Сергея Михалкова»**

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73882592

*Апрель, который всё побеждает: повесть / Алла Логаева: Детская
литература; Москва; 2026
ISBN 978-5-08-007524-7*

Аннотация

Как легко бывает совершить низкий поступок и как сложно потом признать свою вину и ответить за ошибку! Семнадцатилетний Денис знает, что поступил подло, украв у одноклассника шанс на победу в конкурсе. Но как признаться в этом окружающим и где найти силы всё исправить?

Для среднего и старшего школьного возраста.

Содержание

О конкурсе	8
Стулья	12
Что было утром...	24
Письмо	37
Собеседование	43
Нимфа	63
Вероника, а лучше просто Ника	78
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Алла Логаева
Апрель, который
всё побеждает
Повесть

© Логаева А. А., 2026

© Погорелова Е., иллюстрации, 2026

© Рыбаков А., оформление серии, 2011

© Макет. АО «Издательство «Детская литература», 2026

О конкурсе

Первый Конкурс Сергея Михалкова на лучшее художественное произведение для подростков был объявлен в ноябре 2007 года по инициативе Российского Фонда Культуры и Совета по детской книге России. Тогда Конкурс задумывался как разовый проект, как подарок, приуроченный к 95-летию Сергея Михалкова и 40-летию возглавляемой им Российской национальной секции в Международном совете по детской книге. В качестве девиза была выбрана фраза классика: «Просто поговорим о жизни. Я расскажу тебе, что это такое». Сам Михалков стал почетным председателем жюри Конкурса, а возглавила работу жюри известная детская писательница Ирина Токмакова.

В августе 2009 года С. В. Михалков ушел из жизни. В память о нем было решено проводить конкурсы регулярно, что происходит до настоящего времени. Каждые два года жюри рассматривает от 300 до 600 рукописей. В 2009 году, на втором Конкурсе, был выбран и постоянный девиз. Им стало выражение Сергея Михалкова: «Сегодня – дети, завтра – народ».

В 2026 году подведены итоги уже десятого Конкурса.

За эти годы на Конкурс поступило более 4000 рукописей: повестей, рассказов, стихотворных произведений. Лауреатами стали 136 участников, издано более 85 книг с их работа-

ми.

Отправить свою рукопись на Конкурс может любой совершеннолетний автор, пишущий для подростков на русском языке. Судят присланные произведения два состава жюри: взрослое и детское, состоящее из 12 подростков в возрасте от 12 до 16 лет. Лауреатами становятся 13 авторов лучших работ. Три лауреата Конкурса получают денежную премию.

Эти рукописи можно смело назвать показателем современного литературного процесса в его подростковом «секторе». Их отличает актуальность и острота тем (отношения в семье, поиск своего места в жизни, проблемы школы и улицы, человечность и равнодушие взрослых и детей, первая любовь и многие другие), жизнеутверждающие развязки, поддержание традиционных культурных и семейных ценностей. Центральной проблемой многих произведений является нравственный облик современного подростка.

С 2014 года издательство «Детская литература» начало выпуск серии книг «Лауреаты Международного конкурса имени Сергея Михалкова». В ней публикуются произведения, вошедшие в шорт-листы конкурсов. Эти книги помогут читателям-подросткам открыть для себя новых современных талантливых авторов.

Книги серии нашли живой читательский отклик. Ими интересуются как подростки, так и родители, педагоги, библиотекари. В 2015 году издательство «Детская литература» стало победителем ежегодного конкурса Ассоциации кни-

гоиздателей России «Лучшие книги года» (2014) в номинации «Лучшая книга для детей и юношества» именно за эту серию. В 2023 году серия книг вошла в пятерку номинантов новой «Национальной премии в области детской и подростковой литературы» в номинации «Лучший издательский проект».

Стулья

*Всех преследуют минуты-наваждения,
требующие расплаты за то, что в те минуты я
был кто угодно, но только не я...*

Денис внёс стулья в кабинет. Никого нет. Только слышно, как за дальней дверью, бурля, закипает чайник и весёлые голоса шуршат пакетами. Донёсшийся приторно-сладкий запах ванили приятно защекотал нос и напомнил о голоде.

Денис быстро приставил два стула к стене и поспешил к выходу, но краем глаза заметил лежащие на широком полированном столе исписанные фирменные университетские

бланки. Дениса охватило волнение, колючий холодок затягивающего, запретного желания тонким узелком перетянул дыхание. Желание взглянуть на эти бланки – желание зазывное, неотступающее – властно потянуло его к столу. Холодок покалыванием добрался до повлажневших рук. «Не подходи», – мелькнула робкая мысль, но острое любопытство потопило слабый запрет. Денис подошёл к столу, навис прямо над бланками и сразу узнал почерк Сергея – ровный, «каллиграфический», как его называла учительница русского и литературы Анна Андреевна.

Работа Сергея на самом верху небольшой стопки. Она словно знает, что быть выше остальных – это единственно достойное для неё место. Ей нет равных, потому что она написана рукой победителя, умника и просто счастливчика. Ведь именно Сергей Листанов – первый кандидат на именную стипендию и самый главный конкурент всех, на неё претендующих. В том числе и Дениса.

Денис пробежался по аккуратным строчкам, но не понял ни слова, хотя каллиграфический почерк не упрямствовал и нисколько не сопротивлялся. Рядом, в небрежно открытой коробке с рваными краями, ровными этажами лежали чёрные гелевые ручки. Денис осторожно взял ручку с самого верхнего этажа и быстрым движением поставил в работе Сергея наобум несколько запятых. Преступная ручка застыла. Денис опустил окоченевшую кисть. Посмотрел снова на ровные строчки, но не увидел ничего. Ничего, кроме постав-

ленных им запятым, – четырёх штук, по одной в каждом абзаце.

15 Данный сссс
представлено ма:
иницие
касательно таны
ак...финации
"изменила
современный
мир?"

– Какие вкусные булочки, румяные, нежные! А изюма сколько! Ни за что не поверю, что ты сама их испекла! Неужели всё-таки сама?! – вывел его из оцепенения женский голос, сомневающийся, довольный и завистливый одновременно.

Но вместо ответа прозвучал ещё вопрос. Другой голос с тревогой спросил:

– Девчонки, что-то Нинки долго нет. Где её черти носят? Или она опять загуляла?

– Тише ты! – разом зашикали сразу несколько голосов. – Если бы загуляла... Она, представляешь, конверты для бланков забыла... Помчалась за ними на кафедру. Сёмыч узнает – закопает нас всех. Помалкивай! Вот-вот должна прилететь...

– Наташ, а ты кофе взяла?

Ответа он не расслышал. Тихо положив ручку на место, Денис бесшумно – инстинкт подсказывал: будь беззвучным, растворись в тишине, а ещё лучше стань ею! – обогнул стол и невидимкой выскользнул из кабинета.

В коридоре, слава богу, никого! Юноша заторопился и вдруг у самой лестницы наткнулся на пожилую уборщицу в синем рабочем халате с пустым ведром в руке. Она тяжело переводила дыхание, поправляя седые волосы, выбившиеся из-под платка. Увидев Дениса, женщина широко улыбнулась.

– Отнёс? Глянь, как быстро! Вот что значит молодой да шустрый! А я пока поднялась... – пыталась отдышаться она, прислонившись боком к перилам.

Денис слушал тётю Клаву, но не слышал. Ему хотелось рвануть вниз как можно быстрее.

– Остальные-то разбежались, а просили же всех помочь... – упрекала уборщица сбежавших подростков. – Ведь там осталось ещё два стула из физики. Может, и их отнёсёшь? – заглядывая с надеждой в глаза Дениса, неуверенно, даже робко попросила тётя Клава.

Денис молчал. Лишь несколько секунд спустя он понял, что от него чего-то ждут.

– Видишь ли, сдала я после болезни: всё делаю: мою, убираю, – а вот по лестницам скакать так, как прежде, уже не могу. Одышка... Поможешь?

Денис кивнул. Тётя Клава обрадовалась и, повторяя слова благодарности, пропустила паренька на лестницу:

– Иди ты наперёд, миленький, а то ведь ведро пустое – примета плохая. А я постою, подышу ещё маленько.

Он стал спускаться, но через несколько ступенек остановился и спросил:

– А куда нести-то?

Тётя Клава улыбнулась:

– В физику.

Денис снова пошёл за стульями. Те одиноко стояли у стены в актовом зале, в котором всего полчаса назад на сце-

не торжествовали стол и трибуна для почётных гостей. Одним рывком он отправил лёгкую брезентовую сумку за спину, быстро подхватил стулья за мягкие спинки и понёс их в кабинет физики. Юноша торопился. Неведомая сила гнала его вон из школы.

– Вот выручил так выручил! – Тётя Клава не могла нарадоваться своему нежданному помощнику. Она продолжала говорить приятное Денису и осуждающее его ровесникам, но он её уже не слушал.

В голове бесперебойно стучало, заглатываемый горячий воздух в животе превращался в холодный комок. Ему хотелось скорее на улицу – прочь, и как можно быстрее!

На школьном дворе ещё толпился народ. Денис, чтобы ни с кем не пересекаться, миновал его по самой короткой траектории и свернул к парку, хотя этот путь был самым длинным маршрутом до дома.

Вот и парк! Денис выбрал скамейку подальше от людей и сел.

Холодный комок внутри растаял, но не исчез. Кровь разнесла холод по телу. Странное ощущение: тело было в мелкой дрожи от холода, а в голове пульсировал фонтан, горячий, кипящий. И в голове, в этом фонтане, колотился только один вопрос, одно сомнение, одно наваждение: «*Что* я натворил? Неужели это я сделал? Как же так?!»

Потом навалился тягучий страх: «Вдруг кто-то увидел? Точно нет, невозможно, никого не было. Уборщица была

в коридоре, она ничего видеть не могла, а девушки за стеной были увлечены чаепитием, иначе бы они сразу подняли шум».

В голове разом прокрутился ролик неслучившихся событий: как его с позором ловят на месте преступления, как его спрашивают, кто он, зачем и почему здесь, как не выпускают из учительской, как он под напором обвинений признаётся, как передают огласке всё, что он сделал. От представленного к горлу подступил противный липкий комок. Денис с трудом проглотил его.

«Никто не заподозрит меня, меня никто не видел!» – успокаивал он себя, холодной ладонью вытирая горячий пот.

Нужно отвлечься! Денис стал, как следопыт, изучать растущие вокруг деревья и кустарники. Дорожка была узкой, малохоженной, поэтому колючий куст на той стороне тропинки просматривался особенно хорошо. На его самой высокой ветке пепельно-серая птица с крючковатым клювом разделяла свою добычу – маленькую жёлтую синичку. Денис никогда прежде не видел, чтобы одна птица ела другую. Когда хищница в очередной раз вонзила в тело синички свой загнутый клюв и вырвала кусок плоти, жертва дёрнулась и мотнула головой так, словно пыталась разглядеть своего мучителя.

Денис понял, что синичка ещё жива. Его лицо страдальчески содрогнулось, руки сжались в тяжёлые кулаки. Он подскочил к кусту и, не замечая мелких острых шипов, напро-

лом бросился к верхней ветке, но хищница тут же взлетела и пронеслась со своей добычей над его головой. Расцарапанными в кровь руками он схватил первый попавшийся камень и, развернувшись для броска, швырнул его вслед улетевшей птице с такой силой, что еле удержался на ногах.

Денис без надежды посмотрел на небо – чистое, никого. Повернувшись к скамейке, он увидел свою свалившуюся на землю сумку и пнул её с такой злобой, словно та была в чём-то виновата. Сумка отлетела. Пришлось идти поднимать и отчищать её от грязи.

Слава богу, скамейку за это время никто не занял. Денис бросил на неё сумку и сам мешком плюхнулся рядом. Взгляд по-прежнему скользил по кронам деревьев и синему небу. Пустое небо, и такая же пустота внутри.

Только одиночество продлилось недолго. На скамейку, подвигая к себе коляску, села женщина в сером плаще. Она беспокойно заглядывала в коляску, не прекращая качать её. Убедившись, что ребёнок крепко уснул, женщина осторожно посмотрела в сторону соседа. Видимо, собиралась что-то сказать. Но Денис, словно почувствовав её намерение, быстро поднялся и, развернувшись, двинулся вглубь парка, подальше от скамейки, – никакой собеседник был ему не нужен.

Но сделать удалось шагов пять, не больше. Дорогу преградил раскидистый куст, на колючей ветке которого Денис увидел синичку, наколотую на острый шип брюшком вверх.

Голова птицы обречённо повисла, но крылья... Они застыли прямыми стрелами, упорно стремящимися к спасительному, но уже недостижаемому небу. Над тонкими крылышками и жёлтой грудкой птицы торжествующе алел окровавленный шип.

Холод внутри стал тяжёлым, рот наполнился противной слюной, пустой желудок вызвал кислую отрыжку, и Дениса вырвало. Он стоял подковой, не понимая, что происходит.

Подбежала женщина в сером плаще и протянула ему влажную салфетку:

– Тебе плохо?! Ты когда сидел, уже было видно, что тебе дурно. Вид у тебя больной... То есть ты и есть, как оказалось, нездоровый... Я хотела там помочь, да...

– Спасибо, – сухо прервал её Денис.

– Может, скорую?

– Нет, я справлюсь. Мне домой надо... Рядом живу.

Женщина протянула ему начатую упаковку с салфетками:

– Возьми, вдруг пригодится...

Денис жестом отверг салфетки и пошёл домой. Женщина смотрела ему вслед. Денис спиной чувствовал её беспокойный взгляд, поэтому выпрямился и постарался идти ровно. Это сработало: женщина вернулась на скамейку, достала телефон и забыла о молодом человеке.

Приступ рвоты всё же принёс облегчение. Он добрался до дома. В лифт заходить побоялся – вдруг опять стошнит – и пошёл пешком на свой этаж. Идти недолго: на четвёртый.

Но уже на втором этаже ноги стали отставать от головы. Эту самую голову хотелось положить на холодный бетон и остудить.

«Как жаль, что нельзя лечь на ступеньки», – подумал он.

Голова раскалывалась, казалась надутым шаром, из которого торчало щуплое тельце, и оно, тельце, было не в состоянии с этим шаром справиться. Шар настойчиво хотел оторваться, тонкая шея от напряжения покраснела и держалась на одних сухожилиях. Денис остановился. Пришлось. Легче не стало, но надо было продолжать идти. На третьем этаже тоже сделал небольшую передышку. На четвёртом открыл дверь своей квартиры, прошёл, держась за стенку, к себе в комнату, сел на кровать, потом, притянув подушку, опустил на неё голову.

Денис закрыл глаза и снова увидел перед собой синичку, шип и чистый лист с четырьмя запятыми. В желудке вновь булькнуло, но тошноты не было. Юноша открыл глаза и просидел так несколько минут. В бурлящей, но уже остывающей голове словно пробилось ледяное окошко, и оттуда голос, принадлежавший Денису, но какой-то другой, едкий, насмешливый, отчётливо произнёс:

– Тебя мутит от себя самого!

Рвотный комок двинулся к горлу и заставил Дениса рвануть к унитазу. В ванной он включил холодную воду и подставил голову под сильную струю. Держал долго. Обмотав голову полотенцем, вернулся в комнату. Стало легче, намно-

го. Голова не давила на плечи. Плечи не казались налитыми свинцом. Можно было лечь. Но закрывать глаза не хотелось. Боялся увидеть не столько птицу, сколько чёртовы запятые.

Прокручивая в голове детали прожитого дня, Денис всё равно возвращался к одной-единственной мысли: «Надо было сбежать, как остальные, сразу после конкурса. И ничего бы не было... Эти проклятые стулья... Ведь так хорошо было утром!»

Что было утром...

– Итак, приступим.

Голос секретаря, тихий, хрипловатый, немного, видимо, простуженный, без требовательной пружины в интонациях, в любое другое время в любой другой школьной аудитории рискнул бы остаться если не неуслышанным, то точно проигнорированным. Но не в этот раз, не здесь, не в это время.

Актный зал был уставлен школьными партами. Вчера их полдня приносили из разных кабинетов. Сюда же стекались стулья. Всю эту мебель тщательно проверяли на предмет отсутствия скрипа и прочих нежелательных звуков.

За каждым столом сидело по одному человеку. Восемнадцать одиннадцатиклассников из разных школ, успешно прошедшие отборочный тур, готовились к финальному испытанию. Их лица, и без того сосредоточенные, преврати-

лись в подобие застывших масок. Их глаза сошлись в одной точке парадно украшенного актового зала. И эта точка продолжила:

– Слово предоставляется нашему почётному гостю – учредителю именной стипендии кафедры анимации и компьютерной графики.

На сцену поднялся совсем молодой мужчина в светлой футболке и синих джинсах. Его не нужно было представлять: его все знали. Егор Васильевич Марков – самый знаменитый выпускник школы, в актовом зале которой все слушатели сейчас были сосредоточены именно на нём.

Будучи студентом, Егор отправил нескольким известным студиям-разработчикам приквелы на их самые популярные компьютерные игры, предложив своё видение предыстории их виртуального мира и персонажей. Ему ответили. И жизнь простого студента из небольшого городка в один момент стала воплощением самого захватывающего сюжета об «успешном успехе». Егор Васильевич, тогда просто Егор, уехал в Японию, и Страна восходящего солнца открыла ему прямую дорогу в мир геймдизайна. В этом мире его ценили.

Ценили его и в этом актовом зале. Он начал. Говорил просто и дружелюбно:

– Привет всем! Рад нашей встрече! Это уже сообщество госеров¹, в котором нет антагов². Все вы прошли первый тур

---

¹ Госер – один из самых опытных игроков в игре.

² Антаг – одиночка, персонаж в игре, который не состоит в каком-либо сооб-

испытаний. Гордитесь собой – вас отобрали, есть повод порадоваться и продолжить борьбу. Нашему конкурсу уже три года. Мы очень молоды, но амбициозны. Наши победители успешно учатся в университете и получают дополнительную стипендию. И представьте себе, двое уже воспользовались правом на стажировку в международной компании. А ведь они тоже когда-то сидели в этом зале, волновались... Теперь же кто-то из вас станет четвёртым.

Последние слова яркой искоркой воспламенили надежды в мечтах претендентов. Каждый представил на минуту себя в этом вожделенном списке.

– Прежде чем вы приступите к работе и начнёте строчить свои эссе, я хочу вам вот что сказать. – Егор Васильевич обвёл одиннадцатиклассников пристальным взглядом. – Вас осталось всего восемнадцать человек. И каждый прошёл большой путь, прежде чем оказаться в этом актовом зале. Это, повторяю, уже повод гордиться собой! Гордитесь, и пусть эта гордость вам сейчас поможет, а не помешает. – Оратор сделал паузу, затем продолжил: – Вы, наверное, уже готовы услышать тему конкурсного эссе?

Аудитория заволновалась. Какие только догадки не строились по поводу темы! Каждый готовился, и каждый в эту минуту рассчитывал быть в своих догадках и надеждах как можно ближе к тому, что он сейчас услышит.

– Я вас ещё немного подразню, подержу интригу, – ши-

роко улыбнулся Егор Васильевич. – Ведь нужно напомнить условия конкурса. Вдруг забыли? Давайте послушаем председателя жюри конкурса – Семченко Валерия Дмитриевича.

Слушающие не сразу справились с лёгким раздражением, но смирились: все восемнадцать знали условия конкурса наизусть – разбуди любого из них среди ночи, и в разной последовательности, но не упуская ни одного критерия, они бы назубок произнесли все требования к работе. Но что поделать, если всеильная формальность требует их повторения?! Только подчиниться, раз от этого никуда не деться.

– Итак, какие же это требования? – не то спросил, не то напомнил Валерий Дмитриевич. – Первое условие: работа должна быть оригинальной, написанной самостоятельно, без использования сторонних источников информации. Второе условие: работа должна отвечать теме конкурса. Третье: объём – не более ста пятидесяти слов. Четвёртое: работа должна быть читаемой – пишите разборчивым почерком, расшифровывать не станем: мы ценим своё время. – Председатель многозначительно постучал пальцем по запястью. – Помните, это в ваших интересах, чтобы мы прочли вашу работу, так как апелляция не предполагается. Ну и последнее к четвёртому: практическая грамотность приветствуется!

При этих словах и восемнадцать претендентов, и президиум заулыбались, потому что все присутствующие знали, что лучшие работы читает сам Егор, что решающий голос за ним, ведь он учредитель фонда, и что Егор фанатично отно-

сится к пунктуации.

Вряд ли в этом актовом зале был человек, не смотревший интервью с Егором, которое взял один популярный блогер. Из него огромной аудитории подписчиков, и не только им, стало известно, что у геймдизайнера большая библиотека, в которой полным-полно книг. Узнали они и то, что он большой ценитель классической музыки и в своё время под неусыпным контролем матери окончил музыкальную школу и её же титаническими усилиями и были собраны фонотека редких пластинок и коллекция афиш и гитар, ныне украшающих обожжённый кирпич стен его гостиной.

Но более ценно другое – важен был ответ на вопрос любопытного блогера о том, на что Егор обращает особое внимание, когда читает работы конкурсантов.

Вот тогда и стало понятно, что пунктуация у Егора в фаворитах: «Я люблю увлекательно прописанный текст, в котором интересная пунктуация. Я не обращаю внимания на орфографию: её можно поправить, заглянув в словарь, да и сам текстовый редактор даёт подсказки. Пусть обрушат на меня свой праведный гнев филологи и лингвисты, но такова моя точка зрения... А вот пунктуация – это другое дело! Понимаете, я абсолютно уверен, что именно она отражает логику пишущего, масштаб его мышления. Прimitивные предложения, скудный синтаксис, худосочная пунктуация – это ограниченное мышление, узость восприятия, бедность воображения. Верно поставленные знаки препинания – это, по-

нимаєте, как верно расставленные акценты на холсте художника. Их разнообразие, богатство и умение ими пользоваться – это для меня палитра. Любой знак работает в системе, и чем он интереснее, тем богаче система, в которой знак находится. А сам человек – он создатель и носитель своей знаковой системы. Если он стремится к разнообразию, не избегает сложных кодов, изучает их, присваивает, делает их частью своего мира, – а это, согласитесь, серьёзная работа, – то он уже не лодырь, не подмастерье, не копирщик, а художник, творец: он наполняет свою систему уникальными вариантами, множеством способов, широким спектром решений. В расстановке знаков препинания, их комбинациях я вижу проявление индивидуальности, яркий способ самовыражения. Я убеждён в том, что хорошая пунктуация – признак высокой начитанности, интеллектуальной мощи, если хотите...»

Валерий Дмитриевич отдал микрофон Егору и вернулся к своему месту. Егор вышел на середину сцены. На этот раз в руках у него был белый конверт с печатью.

Лица одиннадцатиклассников покрылись пятнами, шеи напряглись, глаза сузились. Все звуки замерли, шелест неспешно открываемого конверта резал слух и охлаждал сердца.

– Итак, тема этого года звучит следующим образом: «Как анимация изменила современный мир?»

– Тема озвучена, значит, время пошло! – объявил повесе-

левший голос председателя жюри конкурса.

Секретарь, девушка, наверное студентка, подошла к флипчарту и чёрным маркером оставила жирную запись, видную из любой точки актового зала:

Начало – 9:37

Финал – 11:37

Все восемнадцать погрузились в работу. Кто-то уставился в одну точку и сидел истуканом, но взгляд, погружённый в себя, выдавал: мозги ворочаются, шестерёнки вертятся, мысли крутятся. Другие уже не ломали голову, а что-то строчили, боясь остановиться хотя бы на минуту. Кто-то, откинувшись на невысокую спинку стула и сложив руки на груди, ждал, когда заплывёт в его сети, могучая рыба вдохновения. Иные, поджав губы, нахмутив лоб, наводящими и уточняющими вопросами толкали мозг к шевелению, прогоняли в голове подходящие факты и тезисы. Ещё кто-то заморожено смотрел на многоламповую люстру, словно от неё исходил тот самый таинственный свет, погружающий в состояние озарения. Кто-то, трезво оценив свои творческие возможности, не полагался на приход музыки, капризной ножкой пинающей воображение, а напирал на движущую силу своего развитого мозга, заставляя его чертить план-схему намечавшегося эссе. Отдельные счастливики уже пожинали плоды своего незаурядного серого вещества, и их светлые головы уверенно и спокойно фиксировали рождённые мысли на белых листах бумаги.

В правом углу, почти у самой стены, сидел нескладный паренёк, первое время безуспешно боровшийся с партой: то ли парта была слишком низкой, то ли ноги паренька слишком длинными. Когда Денис (а это был именно он) сгибал ноги под прямым углом, то крышка парты приподнималась и начинала вальсировать прямо на коленях. После нескольких неудачных попыток унять парту он нашёл выход: надо просто вытянуть ноги – благо впереди никого не было! Тогда, почувствовав родные опоры, парта унималась и давала юноше возможность сосредоточиться на его цели.

Как только озвучили тему, первыми отреагировали эти самые колени: они запульсировали так, что стол заходил ударным степом. Ритм подхватила ручка, но, не удержавшись на лихом танцполе, покатилась к краю стола. За ней устремились были фирменные бланки и черновики, но Денис снова вытянул ноги под партой, и листы остановили свой танец-падение. А вот за ручкой пришлось нырнуть под соседний стул. Все горе-танцовщики вернулись на положенные им места и стали ждать момента, когда их владелец склонится над ними и начнёт писать.

Но владелец медлил... В голове рождались идеи, однако все они казались слабыми, потому что сердце, которое почему-то стучало сейчас не в груди, а в голове, колотилось так громко, что любая мысль не имела шансов быть услышанной. Денис читал тему и не понимал ни слова. Читал снова, по словам, по слогам – и снова ничего не понимал. Все

домашние заготовки забракованными вариантами летели, не приземляясь, в виртуальную корзину. Юноша запретил себе смотреть по сторонам, потому что от вида погружённых в работу соперников сердце разгонялось со скоростью болида.

«Чёрт, я паникую, я паникую и топлю себя! Я должен это прекратить! Соберись, Денис, слышь, ну, давай, думай, помоги себе, есть способ, давай!»

Мозг медлил, но паренёк не сдавался. Как мантру, он упорно повторял себе одни и те же слова: «Есть способ, давай!» Наконец, слава богу, мозг принял команду: проанализировал все вводные данные, выбрал оптимально результативный вариант и открыл сознанию доступ к забытому воспоминанию.

По соседству с Денисом живёт семья, навлékшая на себя немилость всего подъезда. В семье только двое: мать и восьмилетняя девчушка с толстыми косичками и смешными веснушками. И мать, и дочь – музыкантши. Мать работает в музыкальной школе, дочь играет на скрипке. Нет, она ещё не играет во всю мощь скрытого пока таланта, только учится, и эта по часам расписанная учёба расстраивает слабые нервы их крикливого соседа снизу.

В тот летний вечер было невыносимо жарко и душно. Денис пытался уснуть на балконе и услышал мягкий голос: «Завтра, роднулечка, тебе будет очень страшно. На конкурсах, милая, всегда страшно, и это нормально! Боятся все – просто поверь мне. От страха тебе может показаться, что ты

всё забыла и ничего не умеешь... Но это не так. Ты должна отдать страху то, что он требует. Только тогда он успокоится и уйдёт. Он хочет, чтобы у тебя дрожали руки и ноги, – потряси ими! Не стесняйся! Сердечко будет колотиться, словно бешеное, будет проситься из груди – помоги ему: положи руки на грудь – вот так – и дыши, обязательно глубоко, обязательно медленно. Затем посмотри по сторонам и посчитай, сколько предметов красного цвета, сколько синего, сколько зелёного. А потом скажи себе: я многого добилась, я умничка, я любимое мамино солнышко, я так хотела быть здесь, теперь я здесь, и я всё сыграю!»

Паренёк решил последовать тому, что рекомендовал подслушанный женский голос. Он закрыл глаза, изменил настройки и услышал свой же голос: «Родной, тебе страшно. На конкурсах всегда страшно, и это нормально! От страха кажется, что ты всё забыл и ничего не умеешь... Но это не так. Отдай страху то, что он требует. Тогда он уйдёт. Он хочет, чтобы у тебя дрожали руки и ноги, – потряси ими! Не стесняйся. Сердце просится из груди – помоги ему: положи руки на грудь и дыши, обязательно глубоко, обязательно медленно. А потом скажи себе: я многого добился, я умный, я всем сердцем хотел быть здесь, теперь я здесь, и я не упущу свой шанс, я справлюсь, я всё напишу!»

Со стороны это могло показаться и казалось смешным: паренёк тряс длинными руками и ногами, клал руки на грудь и боролся с дыханием. Но никто не обратил на него внима-

ния, потому что каждый работал над тем, что важно было ему, а важным для каждого в это время был только он сам и его работа, и никому не было дела до того, что происходит за соседней партой.

Дрожь унялась, сердце уgomонилось. Мысли больше не бились в судорогах на задворках мозга, а стали выстраиваться в логические цепочки, из которых уже можно было извлечь полезное, нужное. Музыка, музыка, лившаяся в сознании из соседской квартиры, вытащила образы кружащихся в танце фей, грибов, забавных бегемотих в балетных пачках... Потом в дрожащем потоке появилась интересная парочка в чёрном: смешной мальчишка в круглых очках улыбался широко и приветливо, а эксцентричный азиат в очках продолговатых – лукаво и снисходительно...

«„Фантазия“ Уолта Диснея, спецэффекты „Гарри Поттера“ и Хидэо Кодзима – вот что мне нужно!» – сказал себе Денис.

Он посмотрел на часы. На циферблате было 10:26.

«Теперь не тормози!» – скомандовал себе Денис и взял ручку.

Хаос растворился. Виски не пульсировали. Мозг оценил перспективы и, как положено суровому боссу, выстроил стратегию.

Денис расплылся в ясной улыбке, ещё раз прогнал в голове три выбранных для своего эссе имени и окончательно успокоился. «Есть! Я знаю, о чём буду писать!» – выдохнул

он. Задача прояснилась, как проясняется мутная вода после бурного дождя: песок и глина, прежде оторванные от земли, оседают на дно, радостно чувствуют возвращение в родную стихию и, затихнув, начинают любоваться солнцем через кристальную прозрачность воды.

Теперь ему стало жарко: хотелось уже взяться за работу. Живые, будоражащие идеи, а не разгорячённое сердце настойчиво теснили грудь. Им не терпелось оформиться в строки и удостовериться, верно ли их выразит паренёк. Они осторожной стайкой порхали над головой Дениса и ждали: теперь от него одного зависела их судьба – останутся они бестелесными или о них узнает мир. Паренёк одним ловким движением стянул с себя чёрную толстовку с надписью «Stay at Home Gamer»³ и бросил её на стул. В броске толстовка развернулась и приземлилась не на один старый стул, как задумал бросавший, а на два. Второй стул, тоже ветеран, стоял вплотную к первому.

Эти стулья забраковали: один скрипел и мог неблагоприятно мешать конкурсантам, а второй шатался, потому что вредные шестиклашки выкрутили из деревянных ножек стальные болты, вследствие чего сидеть на нём было неудобно и даже опасно. Уволенные стулья равнодушно приняли толстовку, а счастливый паренёк со взъерошенными тёмными волосами продолжил работать, не подозревая, что вечером того же дня будет проклинать эти ни в чём не повинные

---

³ «Сиди дома, геймер» (англ.).

стулья себя за то, что согласился помочь тётке Клаве отнести их зачем-то в учительскую.

Видимо, судьбе было угодно, чтобы эти отвергнутые стулья кто-то должен был оставить не где-нибудь, а именно в этом месте в этот роковой час подобно тому, как в одном известном романе в назначенное время должно было пролиться злополучное масло на трамвайные пути.

Письмо

Денис лежал с открытыми глазами. Нужно вырвать себя из болота навязчивых мыслей. Он попытался прибегнуть к не раз испытанному способу – разгадывать рисунки на старом ковре. В затейливых лабиринтах его причудливого узора прятались всякие чудища. Их поиск, придумывание их историй отвлекали и увлекали. Но не в этот раз. Не помогло. Проверенное годами средство дало сбой. Взгляд равнодушно проскользнул по узорным хитросплетениям и, переметнувшись, застрял на белом холсте крашеного потолка.

Денис забыл о той радости, которую испытывал, когда писал на конкурсе своё эссе. Наслаждение творчеством и его результатом – редкое удовольствие – улетучилось, пропало. Забылось воодушевление, с каким он расписывал восторг первых зрителей мультика Уолта Диснея. Забылось, как он

смеялся от собственного описания бегемотих, невесомо порхающих в балетных пачках. Стёрлось из памяти не только удовольствие, но и сам текст, в котором он так самозабвенно рассказывал, как британские художники заставили весь мир переживать за победу добра в «Гарри Поттере». Вытеснилось и то ощущение восторга, с каким он рассуждал об изменивших мир шедеврах гения Хидэо Кодзимы.

Когда он сдавал работу, его переполняло радостное чувство: «Я сделал всё по максимуму! Чёрт побери, как же здорово всё-таки я справился с заданием! Это лучшее, что я когда-либо сочинял!»

Теперь всё кануло в проклятую Лету... Разве это справедливо?!

«Зачем я попёрся в учительскую?! Почему не ушёл сразу – ну почему?! Почему, чёрт побери, я не ушёл сразу, со всеми?!»

Все мысли возвращались только к одному – к учительской, к злополучным стульям, к ненавистным запятым.

«Должен же быть способ всё исправить, – говорил себе Денис. – Может, всё решится само собой... И тогда не придётся ничего делать. Ведь может же быть, что Серёжкина работа настолько хорошая, что эти запятые её несколько не испортят».

От этой мысли на душе у Дениса стало так хорошо, так легко, что он стал развивать её.

«Он умный, талантище, у него просто не может быть оши-

бок. Какие ошибки у Листанова Сергея? – Смешно! Ведь он же отличник, на золотую медаль идёт – не на натянутую медаль, а на заслуженную!»

Денис повернулся на другой бок и пожалел: нахлынули другие мысли и потопили робкую надежду.

«А вдруг он тоже разволновался?! Без дураков, всем на конкурсах страшно. Я вообще в ступоре был первые полчаса... Вдруг он разволновался тоже и накосячил?.. Ведь если ошибки есть, то мои запятые украли у него шанс... Мои запятые... Мои запятые... Да не мои они... А чьи?!»

Смятая простыня у ног наполовину сползла с кровати, измученная крепкими объятиями подушка давно соскользнула на пол и радовалась, что о ней забыли. Денис хотел уснуть, утопить в забвенье этот день, но капризный сон не шёл. Он пытался считать, сбивался, начинал заново и забывал о счёте.

Память со строгим лицом неподкупного судьи изучала факты. Адвокат пылко перечислял судье факты «за Дениса». А обвинитель сухо выкатывал в ответ один лишь аргумент «против Дениса», и тот срабатывал... Линия защиты рушилась, летела в тартарары.

Денис перевернулся на другой бок. Дискуссии в его голове не прекратились: два голоса завели самостоятельный диалог, маятником раскачивая сознание в разные стороны.

1-й. Что же я сделал?.. Он единственный заслуживает эту стипендию. Из нас больше всех. У него дар. Это ясно как

божий день... А я, получается, испортил ему жизнь...

2-й. Да ни черта ты ему не испортил. Он отборочный тур прошёл с таким бешеным отрывом, что тебе и не снилось. И сейчас, без вариантов, Серёга всех претендентов обскачет – даже не парься об этом, а просто забей! Пилить вам до него и пилить и не допилить...

1-й. И всё-таки я украл его шанс. Это, как ни крути, воровство... Он честно готовился и рассчитывал на честную игру. А я... Он должен был честно победить, и несправедливо, что...

2-й. Да не ной, противно слушать твои сопли. Смотри на вещи под другим углом. Вот скажи: откуда такая уверенность, что победа была у него в кармане?! Кто дал гарантию? Другие, поверь, тоже не дурачки и тоже готовились серьёзно, а может, даже ещё круче твоего Серёги. Всегда может из ниоткуда появиться крутая тёмная лошадка. Это во-первых! Во-вторых, забудь о справедливости – в этом мире её просто нет. Привыкай к этому: чем раньше ты это поймёшь, тем лучше для тебя самого. Ты повысил свои шансы – разве это плохо?! Ты использовал удобный случай!

1-й (с возмущением). Я не для себя поставил эти чёртовы запятые. Понял? Ты что болтаешь? С ума спятил? Что ты несёшь?

2-й (с усмешкой). А для кого, дорогой мой?! Для ко-го?! Объясни внятно. Для кого ты поставил эти, как ты выражаешься, чёртовы запятые?! Неужели для кого-то третье-

го? Дай-ка уточню! Хочешь сказать, что ты старался для какой-то тёмной лошадки из ниоткуда? Для кого-то третьего, тебе неизвестного?! Не для себя?! Это типа анонимной благотворительности, что ли... Не смеши...»

От последней мысли в желудке снова завертелся противный комок. Денис быстро сел – комок провалился. Он осторожно с открытыми глазами лёг на спину. Нельзя закрывать глаза. Решение снаружи. Оно есть.

«Я напишу Сергею сообщение, напишу во „ВКонтакте“. Признаюсь – и точка!»

Он не встал, а вскочил, словно боялся, что решительность, хрупкая, почти бестелесная, улетучится раньше, чем он дойдёт до стола. Быстро открыл ноутбук. Быстро открыл страницу соцсети. Быстро вбил его фамилию. Неожиданность первая: у него закрытый аккаунт. Да, как-то странно: ведь Сергей – открытый парень, почему тогда аккаунт закрытый?! Ну что здесь странного – имеет право не быть со всеми на короткой ноге...

Проситься в друзья Денис не стал.

Пальцы нервно забегали по клавиатуре. Неожиданность вторая: в других сетях Сергея не было. Денис просмотрел всех одноклассников, общих знакомых, вдруг у него другой ник, но всё бесполезно. Поиски ничего не дали. Он закрыл ноутбук и раздражённо отодвинул его от себя с выражением неудовольствия, какое видишь на лице раздосадованного дегустатора: блюд интересных много, а уникального не ока-

залось.

Неподвижно посидел несколько минут.

«Наверное, это и к лучшему! Надо набраться смелости и признаться, глядя ему в глаза... Только так! Не прятаться за сообщением, а честно рассказать, *что* я сделал. Работы вряд ли начнут проверять в выходные. Ещё не поздно всё исправить, ещё не поздно, и всё станет на свои места. В понедельник работы будут шифровать, и в понедельник я признаюсь. Это моё решение. Точка!»

Бесповоротность последних слов оттеснила все другие мысли. Хотя они настойчиво пытались просочиться в голову Дениса, на этот раз не им суждено было праздновать свою победу.

– В понедельник я признаюсь, – как заклинание повторил Денис вслух и почувствовал, что от принятого решения сам как будто стал легче наполовину.

Он лежал на спине и ощущал себя по-иному, так, словно свежая кровь без труда, не встречая препятствий, побежала по всем его жилам. Она растворила тугой комок в желудке, освободила дыхание. Ему казалось, приложи он пальцы к венам, он почувствует её движение – гул весеннего половодья. Он устало закрыл глаза – никаких запятых. Слава богу!

– Спать, – приказал себе Денис и сразу провалился в сон.

Собеседование

Анна Андреевна в выходной день бежала в галерею.

Пять лет она преподавала русский язык и литературу в школе. Пять лет... Как быстро пролетели эти годы! Пришла сразу после института в школу, в которой проходила практику. Понравилось. Тогда... Последние два года она уже подумывала найти другую работу. Когда же подходил к концу учебный год, мысли о смене работы звенели неотвязным ро-ем. Нет, справедливости ради нужно уточнить, что в течение года она тоже рассматривала вакансии, подыскивала, что-то приглянувшееся даже отправляла в папку «Избранное», но потом об этой папке забывала. Было много «за» и «против».

«Как быстро пролетели эти пять лет! Что я делала всё это время? Я вела уроки, проверяла тетради, выслушивала пре-

тензии родителей учеников, ходила на дурацкие совещания, ездила на такие же бессмысленные курсы повышения квалификации... Боже, кто их так высокопарно назвал?! Это не курсы повышения, а курсы умопомрачения! Пустая трата времени: сидишь с умным, невозмутимым видом, а внутри всё полыхает. Зачем вы меня заставили сюда притащиться?! От хорошего блогера на рутубе за полчаса можно получить больше пользы, чем на этих недельных курсах...»

Но это лишь возмущало молодую женщину, а пугало Анну Андреевну совсем другое.

«Ещё через пять лет на этой работе изменится ли что-то в моей жизни? Что я буду делать?! Господи, зачем я спрашиваю себя?! Ничего, ничего не изменится. Я также буду проверять тетрадки, ходить на совещания, выслушивать претензии всех и вся... А через следующие пять лет?! Стремиться стать завучем, потом директором – ни за что! И всё?! Всё, Анечка! Никаких перспектив... Это предел возможностей?! Финиш?! Пик карьеры?! Или это тупик?!»

Так рассуждала Анна Андреевна, и нервный холодок пробежал по спине, когда она представляла, что и через пять, десять, пятнадцать лет она будет делать то же самое, что и сейчас. Она подбадривала себя: «Я решила, я решилась и должна дойти до конца. Я уже смелая, я сворачиваю с проторенной дорожки и шагаю к новому повороту».

Анна Андреевна – третий, поздний ребёнок в семье переводчицы и искусствоведа. Один брат был старше её на две-

надцать лет, другой – на девять, и оба души не чаяли в своей сестрёнке. Все трое с самого раннего возраста буквально паслись в семейной библиотеке, переходя от одного стеллажа к другому. Читали в семье все. Разве могло быть по-другому, если родители выбрали сыновьям гордые имена русских поэтов, а дочери – имя Ахматовой? Мать хотела назвать девочку Мариной – в честь Цветаевой, разумеется, – но отец настоял, и получилось попадание «два из трёх»: Анна Андреевна не Ахматова, а Анна Андреевна Затоцкая. Все были довольны.

В библиотеке висели портреты и фотографии не только родственников, но и любимых классиков литературы. Поэтому ребёнком Анечка искренне считала, что Александр Пушкин и Сергей Есенин – её родные дяди, которые не могут к ней приехать на праздник лично, поэтому великодушно присылают книги на каждый Новый год и день рождения.

В недавно открывшуюся модную галерею требовался куратор, к вакансии прилагался дивный длинный список требований. Анну Андреевну пригласили на собеседование. Обещали хорошую зарплату.

По дороге она старалась сосредоточиться на предстоящей беседе:

«Улыбайся, будь сдержанна и доброжелательна».

«Отвечай на вопросы без паники. Заготовок у тебя пруд пруди...»

«Не скрещивай руки, ноги. Никаких закрытых поз!»

«Говори о себе с достоинством...»

И всё же одна мысль просачивалась через поток рекомендаций и мешала Анне Андреевне с головой погрузиться в подготовку к собеседованию. Она не могла не думать о своём одиннадцатом классе, а точнее, о двух любимчиках – Серёже Листанове и Денисе Ефимове. Вчера она провела для них консультацию, последнюю перед конкурсом. А сейчас они сидят в аудитории, пишут эссе. Как они там? Что им попало? Как справляются?

Они разные, очень, как пример из классического романа: «Волна и камень, стихи и проза, лёд и пламень»⁴. Учатся в одном классе, и больше ничего общего. Противоположности притягиваются, но не эти.

Они, правда, сошлись, но только в поединке. Стали конкурентами, соперниками в борьбе за счастливый билет в будущее, и победителем по правилам игры будет только один. Второй, каким бы хорошим он ни был, ничего не получит.

Серёжа – весёлый блондин, спортсмен и просто красавец. Входя в кабинет, он наклонялся, чтобы не задеть головой косяк двери. Он осыпал девчонок комплиментами, поэтому всегда был окружён щебечущей стайкой красавиц, которые не упускали шанса сделать селфи с крутым парнем – простой способ набрать лайки и возбудить интерес к себе. Сергей легко сходился, легко расставался, но поверхностным на-

---

⁴ Строки из романа в стихах А. С. Пушкина «Евгений Онегин».

звать его нельзя. Он быстро находил друзей, дружбой дорожил и умел одинаково хорошо ладить и с ровесниками, и с учителями. Учителя его любили. Одноклассники уважали. Любовь одних и уважение других – заслуга юноши, который не кланчил оценок и не подводил друзей.

Его родители – люди обеспеченные, можно даже сказать, богатые, но к деньгам относились как к средству комфортного существования, не более. Никто в городе не мог упрекнуть Листановых в высокомерии, зазнайстве или показной расточительности. Другие родители часто удивлялись, зачем отец и мать Сергея приходят с сыновьями на школьные субботники сами, а не присылают вместо себя кого-то из домашнего персонала.

Долговязый брюнет Денис жил в другом мире и в другом измерении. О таких говорят: «Вещь в себе». Дениса воспитывала одна мать. Ничем не запоминающаяся женщина. А Денис красив. Его красоту нужно искать в глубине тёмных синих глаз, в задумчивом повороте головы. Из него слова не вытянешь, но если удастся, то слушать интересно. В классе у него почти не было друзей и не было неприятелей. Он хорошо общался только с соседом по парте – с Димкой. Девчонки не проявляли к нему повышенного интереса. Да и он никого из девушек не выделял, общался только по случаю. Однако, когда завуч по воспиталке категорическим тоном предупредила, что на выпускном балу вальс танцевать будут все без исключения, Соня, модель, первой застолбила Дениса.

Свой выбор подружкам объяснила просто: он пока «не ауф, но точно не зашквар. Поверьте, фотки на память будут что надо».

Денис нравился Анне Андреевне. Он чувствует текст, сам пишет сочинения, не маскируя чужие мысли под свои.

Анна Андреевна улыбнулась. Какой получился урок по Бунину! Она тогда решила всеми силами вызвать интерес к писателю – удалось! Спор разгорелся на «Господине из Сан-Франциско»⁵. Спорили о счастье. Анна Андреевна с интересом слушала своих учеников и не забывала хвалить себя за продуманные вопросы.

Одиннадцатиклассники раскрывались с разных сторон. Немалая часть считала, что лучше быть несчастным, но богатым, а если при больших деньгах не получается быть счастливым, то «сорри, проблема в тебе».

– Лучше я буду несчастной, с нелюбимым мужем, но с деньгами, чем счастливой, но бедной. Какое счастье в бедности?! Бедность убьёт большую любовь. Вопрос времени! Какая радость в том, чтобы считать копейки? – уверенно твердили одни из девчонок.

– С классиком не поспоришь: любая лодка разобьётся о быт⁶ без денег. Деньги – топливо для счастливого брака! – соглашались другие.

---

⁵ Рассказ И. А. Бунина.

⁶ Перефразированная строчка из стихотворения В. В. Маяковского «Уже второй».

– Мужик – молодец! Жаль его по-человечески: только срубил приличное бабло, а кайфануть не успел, – сочувствовали третьи.

– Не с женой и дочерью надо было ехать, а с любовницей, тогда б не помер, – шутили мальчишки.

– Надо было раньше деньги начать тратить, а то в чём их смысл?!

– Как – в чём? В количестве! Маленькие деньги – маленькое счастье, а большие деньги – счастье другого масштаба! Перед тобой расшаркиваются, потому что ты господин не где-нибудь, а в самом дорогом штате самой богатой страны и для тебя целый океан удовольствий, а после него и апельсиновый ящик не так страшен. Телу всё равно...

Денис не принимал участия в дискуссии. Но по высоко поднятой голове было видно, что слушал он внимательно.

Анна Андреевна спросила:

– Ефимов, что вы думаете по этому поводу? Что близко вам? С чем вы согласны, с чем нет?

Денис замешкался, убрал волосы со лба, открыл тетрадь и, быстро листая, стал что-то искать. Нашёл это что-то взглядом, подумал, стоит ли отвечать, и всё же решился:

– Я целиком могу согласиться в одном: с деньгами жить легче, намного легче. Я вчера выписал одну мысль, когда готовился к уроку. Она мне понравилась, но, к сожалению, я лишь сейчас заметил, что не пометил, кому она принадлежит.

– Денис, мы переживём отсутствие имени автора, прочтите его мысль, – с улыбкой попросила Анна Андреевна.

– Хорошо. «Бунин выступает не против богатства, а против того, чтобы его накопление становилось смыслом жизни».

Прочитанные Денисом слова неожиданно дали дискуссии новое направление. Посыпались жаркие ответы на вечные вопросы: «в чём смысл жизни?» и «какой смысл жизни придают деньги?»

Уже под конец урока Ложкина спросила:

– Анна Андреевна, а что для вас деньги?

Анна Сергеевна ответила сразу:

– Я не буду говорить, что деньги – это плохо, что не в них счастье и прочее. Я тоже, как все в этом кабинете, хочу быть богатой. Для меня деньги – это свобода и возможности. Я хочу сама зарабатывать на свои цели и желания. Мечтаю путешествовать несколько раз в году. Мечтаю о своём доме с большим камином, собакой и пушистой кошкой. Хочу много, и на это, конечно, нужны деньги.

– Тогда вам не в школе надо работать, – ввернул Витёк.

Бесцеремонность Горельского сбила учительницу с толку, не ввела, не бросила, а швырнула в ступор. Она затеребила массивный кулон на груди.

Никто не остановил и не осудил Витька. Анна Андреевна посмотрела на класс и не смогла выдержать сочувственных взглядов учеников. Она беспомощно стала разглядывать

цветы в дешёвых пластиковых горшках. И хилые кактусы, и пышные розы, и цветущие орхидеи показались ей одинаково уродливыми, даже пошлыми. Анна Андреевна перевела взгляд на Дениса, словно желая найти в нём то ли поддержку, то ли защиту. Он опустил глаза.

Звонок спас ситуацию, но не настроение молодой женщины.

«Надо уходить, – решила на перемене обескураженная, недовольная собой Анна Андреевна. – Так стыдно! Даже твои ученики понимают, что ничего не добьёшься, работая в школе. Это же Капитан Очевидность! А ты сидишь здесь и на что-то надеешься... Чего ждёшь, милая?! Тебе скоро тридцатник, а живёшь с родителями... Мечтаешь, будто всё ещё девчонка наивная, а какие перспективы?! Твои ученики понимают в жизни, разбираются в ней больше, чем ты сама! Какой дом, Аня?! Какой камин?! Ещё и собаку с кошкой приплела! Пушистой! Боже, да не светит тебе в школе ничего... Если бы не братья, то накрылись бы медным тазом все твои хотелки и поездки за рубеж... Пока возраст позволяет, надо уходить...»

На большой перемене Анна Андреевна открыла забытую папку с предложениями и отправила резюме на все актуальные вакансии. Вечером пришёл ответ из галереи, и тогда же она объявила родителям, что завтра идёт на собеседование.

– Как знаешь, Анечка, – сказал отец, взяв дочь за руку, и это было благословением.

Ради этого мероприятия Анечка решила, как призывают тренеры личностного роста, «выйти из зоны комфорта». Она вытащила любимую голубую блузку, купленную в Милане, погладила серую юбку-карандаш, приготовила новые колготки и достала любимые туфли с клиновидными каблучками.

У витрины дорогого бутика, совсем рядом с галереей, Анечка остановилась и посмотрела на своё отражение. Русые волосы в порядке, блузка не смята, шлица юбки там, где должна быть. Каблуки добавили нужные для уверенности сантиметры. Нюдовая помада, неброский макияж, аккуратный маникюр – кажется, ничего не упустила.

«Удачи, малышка!» – подбодрила себя Анечка и открыла тяжёлую стеклянную дверь галереи.

Её сразу провели к владелице. Очутившись в просторном светлом кабинете, Анечка растворилась в атмосфере хорошо построенной геометрической абстракции. Она решила не отвлекаться, не рассматривать композиции вокруг, а сосредоточиться на предстоящем диалоге.

Владелица, образец элегантности, знаком пригласила сесть. Анечка задержала ненадолго, в рамках приличия, взгляд на женщине. Смутно показалось, что она когда-то с ней встречалась. Впрочем, к отцу часто приходили интересные люди, может... Владелица поняла взгляд, выждала несколько секунд и улыбнулась сжатыми губами.

– Значит, не узнаёшь? Совсем? – спросила она ещё сдержанным голосом, в котором тщеславие соперничало с неудо-

вольствием и побеждало.

Голос заставил Анечку покраснеть: он-то точно знаком, а женщина – нет. Анечка окончательно растерялась, пыталась вспомнить, но безуспешно. Сбивал с толку тон, которым говорила женщина. Желчный. Злой. Мстительный. Женщина откинулась на спинку дорогого кресла, медленно, взяв очки за тонкий мостик, сняла их, позволяя себя рассмотреть. Она ждала. Анечка разглядывала владелицу и молчала.

– Конечно, куда нам до вас, профессорских дочек... А мы учились вместе, на филфаке...

Анечка опустила глаза. Поиск вроде сузился, а желанный ответ так и не приходил. Она помнит всех девчонок своей группы, а вот из другой...

– Мы из одной группы, – ворвался в слабый поток воспоминаний тщеславный голос. – Вот как мир развернулся, а? Ты со своей компашкой игнорировала меня. А теперь! Я один лишь раз, всего раз попросила тебя помочь мне на экзамене, а ты сделала вид, что не видишь и не слышишь. Из-за тебя меня вышибли с факультета. А ведь есть справедливость на свете! – Она театрально вознесла руки к потолку. – Блистательная Затоцкая, звезда факультета, пришла устраиваться на работу к той, кого никогда не замечала.

Владелица надела очки и стала, изображая восхищение, с издёвкой читать вслух резюме соискательницы. Она держала бумагу в руке, и на свету было видно, что на листе многое подчёркнуто зловещим чёрным маркером. Галеристка гото-

вилась! Выделенное читалось с особой едкостью:

– «Красный диплом», «зарубежные стажировки», «волонтерская работа по сохранению произведений искусства», «владение французским», даже «Certificate in Advanced English»⁷.

Жуткий акцент в произношении заставил Анечку улыбнуться. Улыбка в уголке губ была еле заметной, но она взбесила ухоженную женщину на том конце стола. Её отточенные брови сошлись для атаки, как два бойцовых пса, взгляд закипел. Элегантность слетела, как циркач из-под купола. Галеристка отшвырнула листок, поставив острые локти на стол, слегка нависла над ним и с нескрываемым злорадством прошипела:

– Паршиво ведь, а? С такими данными горбатиться в занюханной вшивой школе за копейки! Как же умница Затоцкая смогла до такого докатиться?! Неужели папенька-профессор не сумел пристроить любимую дочурку?!

Упоминание отца заставило Анечку унять дрожь. Она отсекла мучительные попытки узнать голос и его хозяйку.

«Я должна достойно выйти из этого кошмара», – приказала себе Анечка.

Она демонстративно расправила плечи, расслабленной рукой оперлась на подлокотник своего стула, забросила ногу на ногу. Она выдержала паузу и, немного повернув голо-

---

⁷ Сертификат о сдаче международного экзамена по английскому языку, подтверждающего владение языком на продвинутом уровне.

ву набок, как режиссёр из зрительного зала, стала медленно аплодировать:

– Я поделюсь со всеми тем, как блистательно вы прочли моё резюме. Работа голосом, жесты, мимика – браво!

Анечка улыбнулась широко, так великодушно и настолько снисходительно, насколько смогла. Она не спеша встала, выпрямилась на своих каблуках, поправила юбку, разочарованно осмотрела кабинет, остановила взгляд на галеристке и, не спуская с неё глаз, нарочито вежливо произнесла:

– Не помню. – Анечка снова, как актёр в важной сцене, выдержала паузу. – И благодарна своей памяти, что не помню вас. Слава богу, что она выкинула из моей жизни ваше имя, как протухшую рыбу. Вы, я убедилась ещё раз, не были интересны мне тогда и сейчас ничего, кроме отвращения и негодования, не вызываете. Даже моя занюханная, как вы там сказали, вшивая школа не сделала из меня такую жалкую завистницу и невротичку.

Анечка выходила из кабинета, а в спину ей ножами летели оскорбительные слова. Чем ближе становилась дверь, тем сильнее и грязнее выливалась желчь бывшей однокурсницы и тем прямее старалась нести себя несостоявшаяся сотрудница галереи.

Порог, закрытая дверь, и первое собеседование состоялось.

В себя Анечка приходила в соседнем баре. Ей казалось, что на ней столько грязи, что физически необходимо от неё

избавиться. В дамской комнате она смыла с себя макияж, распустила волосы. Из зеркала на неё смотрела смешная девчушка.

Анечка одобряюще подмигнула ей. Затем вытащила блузку поверх юбки. Стало легче дышать. Официоз снят, можно идти.

– У меня было паршивое по всем законам жанра утро... Пожалуйста, сотворите чудо, спасите мой выходной, – выдыхая, попросила Анечка официантку Лию.

– Я знаю, что вам нужно, – понимающе улыбнулась та, забрала меню и скрылась.

Официантка попала в точку. Свежесть лимонного десерта и терпкость радужного коктейля с ноткой бодрящего имбиря идеальной парой разогнали пережитое оскорбление и желчную обиду. Посветлевшая Анечка решила повторить заказ. Расторопная Лия принесла тот же десерт, но уже с кофе. Анечка приняла изменение с благодарностью и, уходя, оставила хорошие чаевые.

Она приказывала себе не думать о галеристке, но любопытство – враг женского бытия – крепко держало оборону. Анечка понимала, что от этой мысли можно освободиться только одним способом, но решила не загонять себя поисками лошадиной фамилии и сказала себе, что из дома позвонит другой однокурснице. Её имя она, слава богу, помнит.

Светка Ильина – журналистка, обозреватель светской хроники. Вот кто знает всё и вся. Вот кто поможет воскре-

сидеть в её ни с того ни с сего прохудившейся памяти имя обидчицы.

Анечка медленно шла домой, но туда не хотелось. Напрашиваться кому-то в гости было слишком рано. Суббота всё-таки.

Куда пойти? Шопинг мог спасти, но не сегодня. В кино не хотелось. Решение пришло само в виде попавшейся по пути городской библиотеки. Анечка вошла и захотела сразу выйти. Атмосфера двадцатилетней давности – нет, это не способ поднять настроение...

Но радостное приветствие библиотекаря послужило знаком, что момент уйти уже упущен.

«В конце концов, – подбодрила себя Анечка, – в библиотеку ходят ради книг, а не ради интерьера».

– Что вы любите читать? – поинтересовалась приятная женщина.

– Современную литературу. Есть что-нибудь для души? – в ответ спросила Анечка.

– Люба, выйди, покажи современку девушке! – позвала какую-то Любу библиотекарь.

На призыв вышла женщина, бесцветная, усталая. Она смотрела на Анечку пустым взглядом – ни заинтересованности, ни радушия, ни любопытства...

Если бы Анечку попросили подобрать эпитет ко взгляду этой женщины, то не колеблясь она бы выбрала «апатичный». Апатия выцветывает женщин, превращает их в види-

мые привидения, и в глубине души Анечка боялась стать такой невидимкой среди людей.

Во всём сером, длинном, в стоптанных босоножках, библиотекарь механически растянула губы в подобие улыбки и повела Анечку в другой зал.

– Вы записаны? Какую литературу предпочитаете? Отечественную или зарубежную? – дежурно спрашивала по пути библиотекарь Люба.

Анечка не могла выдать из себя ни слова. Как только бесцветная женщина заговорила, в голове щёлкнула навязчивая мысль: «Я знаю этот голос, он мне точно знаком!»

Библиотекарь равнодушно подождала ответ. Не получив его, она стала ходить по рядам и показывать:

– Это современные российские писатели, здесь всё зарубежное. Если любите фэнтези, то книги этого жанра в данном крыле. Тут скандинавский детектив, а у окна – мотивационные книги, биографии, бизнес и разный нон-фикшен.

Обескураженная Анечка слушала, но не вникала, а пыталась безуспешно вспомнить, кто эта женщина, и сердилась на себя: «Это наваждение какое-то! Ещё одно дежавю! Знакомое, но – вот тебе раз! – опять забытое. Ещё одно „помню“, которое я всё-таки, по всей видимости, не помню, и это второй раз за утро! С ума сойти... Аня, тебе сколько лет?! Не так уж и много... Тебе рано ещё в провалы памяти ударяться!»

Неожиданно в зал ворвалась приятная женщина:

– Ефимова, ты здесь? Беги срочно в зал периодики!

– Зачем? Не знаешь? – провалившимся голосом откликнулась на панику Люба. – У меня посетитель...

– Ничего, я останусь вместо тебя, а ты беги!

Люба бежать не стала. Она сильнее сжалась, сгорбилась и испуганной старушкой обречённо засемила в зал периодики. Люба забыла попрощаться, Анечка не расстроилась. Напротив, её глаза светились от нахлынувшего озарения. То, что Анечка вспомнила, кому принадлежал голос, принесло радость и облегчение.

«Это мать Дениса Ефимова, сомнений быть не может! Это точно она! С памятью всё в порядке, и нечего на неё грешить!»

Вспомнился и тот единственный случай, когда они познакомились. Мать Дениса на родительские собрания не ходила, сын всегда приносил какие-то записки с указанием уважительных причин. Но однажды в столовой произошла драка, и вызывали родителей всех учеников. Потом выяснилось, что Денис в драке участия не принимал, оказался в потасовке случайно, лишь потому, что пришёл за забытым под столом рюкзаком. В тот вечер Анна Андреевна и увидела мать Дениса и даже поговорила с ней о сыне.

«Боги мои, как же она состарилась! – грустно констатировала Анечка. – За два года...»

– Вы читали Фредрика Бакмана? – вырвал её из горьких мыслей голос приятной женщины.

– Да, его «Бабушку...» – откликнулась Анечка.

– Тогда вам надо прочесть «Здесь была Бритт-Мари». Есть пересечение сюжетных линий. Все фишки автора раскрывать не стану. Вы удивитесь, поверьте мне! Где же ты спряталась, Бритт-Мари? Я всё равно тебя найду, – сканировала полки библиотекарь.

– Мне стыдно, но я почему-то думала, что современных авторов в библиотеке не найти. Я удивлена.

– Я удивлю вас ещё больше. Вы можете принести нам прочитанные книги, и мы с радостью примем их на баланс. Современкой интересуются, сами книги дорогие, вот мы и стараемся.

Мир книг поглотил Анечку с головой.

Примерно через час из городской библиотеки вышли два человека.

Затоцкая Анна Андреевна, успокоившаяся, шла домой, к родителям.

Ефимова Любовь Сергеевна, уставшая, тоже шла домой, к сыну.

Нимфа

Любовь Ефимова поздно спохватилась, что идёт по нелюбимой стороне улицы. Она забыла вовремя свернуть, и теперь в больших витринах магазинов до самого переулка придётся видеть своё отражение. Ей не хотелось смотреть на себя. Любовь давно разлюбила своё отражение и ненавидела платье...

Так было не всегда. И остались очевидцы, которые с восхищением вспомнят, как юная Любочка часто бегала по этой самой улице, как останавливалась перед каждой витриной, точно перед зеркалом, чтобы полюбоваться собой. Тогда здесь были не только магазины, но и самое известное ателье, ради которого Люба разбила копилку, вытащила записку и решила заказать себе первое платье на особый случай.

Какое получилось платье! Нежного небесного цвета с лёгким лавандовым бантом на плече. На это платье она возлагала все свои надежды, которые у каждой юной девушки выливались в одну заветную мечту: поразить того самого, единственного, с которым настанет рай на земле.

Красивое платье! Красивое до невозможности: нежный лиф достойно облегал высокую девичью грудь, пышная юбка намеренно скрадывала от придирчивых глаз несколько сантиметров бёдер – тех самых бёдер, которые, как она считала, могли бы быть чуточку стройнее. В этом платье она чувствовала себя невесомой!

Платье дарило ощущения космические: в нём можно было парить так, словно в тебе нет ни одного грамма живого веса! В нём можно было порхать так, словно у тебя за плечами маленькие крылышки сверхчудесного существа! В нём можно было кружить так, словно лёгкий ветерок, подхватив давно знакомую озорную игру, невидимым кавалером повёл свою неопытную партнёршу вверх по воздушному лабиринту. Оно, платье, из тебя прежней творило тебя новую:

- беззаботную, но не беспечную;
- возвышенную, но сознающую реальность;
- наивную, но понимающую правила игры.

«Портной не обманул: я королева в этом платье, – улыбалась Люба, разглядывая себя в зеркале. – А ведь вначале он мне совсем не понравился! Хорошо, что я не ушла тогда по первому порыву».

– Девушка готовится к исключительному событию? – ироничный вопрос портного сразу раскрыл все её карты.

Хотя его усмешка задела её, она решила не придавать значения чужим словам и настроениям, чтобы не испортить своего.

Портной медленно подходил к ней, тугой резинкой на ходу ловко собирая в пучок длинные с проседью волосы. Пучок тут же смешным плоским кульком упал на затылок. Она внимательно посмотрела на мужчину: высокий, худой, вылитый ресторанный критик Антуан Эго из её любимого мультика⁸.

– Кого будем поражать? – спросил лже-Антуан.

– Пока не решила, – как можно беспечнее ответила Люба.

– Не-а, не-пра-вда, – мягко растягивая слова в улыбке, возразил портной, слегка склонив голову. – По глазам вижу, что выбор уже сделан, жертва определена и осталось лишь выбрать оружие!

Она смутилась: «Чёрт, неужели меня так легко прочесть?!» Чтобы хоть как-то спасти положение, девушка стала разглядывать ткани: взгляд задержался на ласковом розовом шёлке. Лже-Антуан проследил за её взглядом и, покачав головой, снисходительно пробурчал:

– Еще одна любительница цвета *cuisse de nymphe effrayée*...

---

⁸ Речь идёт о популярном мультфильме «Рататуй».

– Я не поняла, но догадываюсь, что мой выбор вам не нравится! – даже с вызовом в голосе повернулась Люба к лже-Антуану. – Может, переведёте, что вы сказали?

Приняв вызов, портной ответил спокойно:

– Барышня, это название того самого цвета, шёлком которого вы любуетесь! В дословном переводе с французского: бедро испуганной нимфы. Так в восемнадцатом веке называли бледно-розовый цвет. Считалось, что, когда нимфа убегала от сатира, кожа её розовела...

Люба расцвела искренней улыбкой и вздохнула:

– Надо же! Красиво, но не о моих бедрах: у меня от страха кожа бледнеет.

– Ну, тогда поэт бы вам сказал: «О закрой свои бледные ноги»⁹.

– Вот как?! Ну, знаете... Мне как-то первый вариант с нимфами больше нравится, – с весёлой улыбкой ответила она.

– А я сейчас разрушу вашу идиллию! Знаете, как наши солдаты додумались называть этот розовый цвет? Догадываетесь? Ну?!

– Наверное, что-то вульгарное, – ни секунды не сомневаясь, твёрдым голосом лихого гусара откликнулась она.

– Почти, можно сказать, близко, но не то чтобы совсем... – делано держал интригу лже-Антуан.

– Так говорите же, – наигранно капризно, в тон игре, под-

---

⁹ Моностих В. Я. Брюсова.

боченившись, склонив голову, потребовала она.

– Вы настаивали, я ответил: цвет ляжки испуганной Машки!

Звонкий смех наперегонки с солнечным светом наполнил мастерскую. Люба смеялась, закрыв глаза и немного откинув голову назад.

Удивительно, *что* могут сделать удачно подобранные слова! Ещё несколько минут назад он казался ей напыщенным франтом в этой длинной чёрной рубашке, больше похожей на халат. Она нисколько не сомневалась в том, что этот самодовольный стареющий мужчина, по молодости набивший себе кучу разных татушек, начнет поучать её, как это обычно делают его ровесники и ровесницы. Поэтому Люба покорно приготовилась к заунывной морали о никчёмных ценностях молодых. Но этот портной точно не зануда!

– Я сошью вам *такое* платье! *Такое*, что он не удержится и захочет... – Портной пристально посмотрел в её глаза, словно желая удостовериться, что она понимает, и продолжил: – «...тонко касаться руки и волос твоих цветом в осень...»¹⁰

– Опять поэт? – польщённая услышанным, спросила она.

– Ещё какой! – ответил он.

Она блистала в этом платье. Она дала своему платью имя – Нимфа!

Нимфа помогла Любе добиться своей цели. Через полгода

---

¹⁰ Строки из стихотворения С. А. Есенина «Заметался пожар голубой...».

он – любитель брюк фасона сигареты – вёл её в загс. Полная надежд и радости Люба сняла с платья маленький кружевной бант как талисман, поместила его в специальный прозрачный пакетик, спрятала в сумочке и стала носить с собой на счастье. Теперь она сама была Нимфой. Она была восторженно счастлива, но недолго...

Сигареты растоптали гордость Нимфы тем, что продолжали любить разные другие платья: офисные, макси, миди, мини были у него на особом прицеле; тяготели к платьям без рукавов – так легче любоваться изящной линией рук; не брезговали балахонами, колокольчиками, беби-доллами; увлекались кимоно, чонсам и сари; восхищались поло, ампиром и туниками; могли часами провожать волнующим взглядом оборки платьев-смок. Но возглавляли хит-парад платья просто красные, просто короткие, просто обтягивающие и обязательно с глубоким декольте.

Платьев вокруг Сигарет всегда было много: они порхали, кружили, задевали пышными короткими юбками или очень длинными, заставляя его оборачиваться, домысливать, фантазировать: какие ножки они скрывают, какой изгиб бедра, фасон белья...

Платье Трапедия оказалось на редкость назойливым и требовательным. Обязательств, однако, Сигареты уже не любили. Им хотелось лёгкости в отношениях, а Трапедии, как всем точным фигурам, хотелось ясности и определённости. Нетерпеливой Трапедии не хватило выдержки.

Платье Принцесса извело его сиюминутными капризами, и Сигареты решили, что трудно любить Принцессу большой любовью, если больше всех любишь себя. Поэтому между двух любостей Сигареты выбрали ту, которая любовь к себе.

Задиристое платье Рубашка продержалось уж совсем недолго. Несколько часов! Никто не смог побить её рекорд: Рубашка появилась на один день и исчезла. Рубашке повезло – или не повезло, трудно сказать. Она появилась в момент проигрыша его любимой футбольной команды. Когда вратарь пропустил очередной пенальти, она не только не поддержала расстроенные чувства и нервы Сигарет, но даже откровенно жестоко посмеялась над их горем. Безжалостно комментируя проигрыш, – а в игре, как оказалось, она разбирается! – Рубашка высокомерно заявила, что такой исход был ожидаем, но и он не повод для «вселенской трагедии», а потом нелестно, смачно высказала всё, что думает о российском футболе вообще...

А Сигареты в ответ сказали всё, что думали о Рубашке. Рубашка взбесилась и наговорила ещё больше колкостей, приправив их едкими, точными замечаниями. Сигареты с пристрастием откликнулись, объективно указав на отсутствие нескольких пуговиц на одежде и субъективно – на дефицит извилин в голове.

И вот тут Рубашка повела себя не по-женски круто: резко вскочив, она запустила в Сигареты по очереди все предметы, попадавшие ей в радиусе метра. Хрупкая Рубашка оказа-

лась на редкость сильной: швырнула даже тумбочку, которую редко сдвигали с места, – и очень меткой! Сигареты подхватили раненую ногу, но новое испытание заставило забыть о боли. Не давая опомниться, Рубашка гибкой кошкой вцепилась ему в голову так, что он еле оторвал её от себя и в страхе забился в угол, с тревогой и ужасом провожая оттуда взглядом каждое её движение. Тяжело дыша, Рубашка, широко расставив ноги и опустив голову, стояла напротив Сигарет, как разъярённый бык на корриде, и, не мигая, исподлобья смотрела в обречённый угол, решая, что ещё предпринять и стоит ли...

Сигареты испуганным зверьком глядели на неё. То ли его жалкий вид, то ли его затравленный взгляд успокоили её. Она, превратившись в секунду из бешеного буйвола в лёгкую лань, напевая, стала собирать свои вещи, разбрасывая все остальные. Иногда она искоса поглядывала в угол, и в этот момент Сигареты настороженно выпрямлялись, спиной вжимаясь в стену. Рубашка нарочито громко скандировала: «Оле-оле-оле-оле, Рубашка – чемпион!» Довольная произведённой экзекуцией и учинённым разгромом, она хлопнула дверью и исчезла... Треснувший дверной косяк жалобно застонал, но стон его Сигареты проигнорировали.

Сигареты не сразу пришли в себя после её ухода. На какое-то время Сигареты даже затихли: интерес к платьям пропал. Нимфа радостно решила, что Сигареты остепенились. Бедная девочка! Она не понимала ещё одной житейской муд-

рости и не знала, что привычки сильнее человека, а горбатого и могила не заставит избавиться от горба, тем более если он, этот горб, любимый...

Однажды на каком-то торжественном мероприятии Сигаретам удалось подцепить величественное Годе. Годе, подбирая складки дорогого подола, боясь пыли дешёвого ламината, быстро поняло, что оно ошиблось в выборе, и стремительно умчалось, страшась остаться замеченным каким-нибудь лихим папарацци. Сигареты жестоко страдали: самолюбие, уязвлённое желчными прощальными словами Годе, глушило боль упрёков в стакане, оставляя пятна от пива и чипсов...

Платье Кремовое оказалось на редкость совестливым: узнав о наличии Нимфы, оно торопливо покинуло Сигареты.

От платья Офисного Сигареты сбежали сами...

Потом появилось Оно. Коварное, роковое, брусничное: оттенок розового говорил о детскости, а доминанта бордового заявляла о волевом настрое той, кто был искусно в него облачён. Платье Ягодное, несмотря на кажущуюся мягкость, даже бесхребетность, как-то неожиданно быстро съело все платья вокруг Сигарет, а само осталось целым и комфортно невредимым. Теперь платье Ягодное с терпеливым упорством выносливого бегуна на длинные дистанции принялось за Нимфу. Что-то подсказывало ей, что этот забег не будет долгим...

Расчёт оказался верным. Долго ждать не пришлось.

В один прекрасный день Сигареты самозабвенно, слов-

но это было самостоятельно принятое решение, пообещали платью Ягодному любовь и верность до гроба. Затем торжественно объявили о своём страстном желании начать с ним новую жизнь, и для этой новой счастливой жизни нужно-то было всего ничего: быстро мотануться за шмотками на старую квартиру. Сигареты торопливо, словно боясь передумать, смотались-таки на бывшую жилплощадь, собрали втихую свои вещички в чемодан и перешли теперь из своего, как они считали, «затхлого прошлого» в «счастливое будущее»...

Юная жена вернулась домой, увидела раскрытые шкафы и тумбы с открытыми ртами. Какие-то вещи валялись за ненадобностью на полу, что-то лежало в пакетах. Наверное, и они сперва тоже должны были уехать, но не влезли в чемодан и были отвергнуты в последний момент... Обиженные, жалкие, они, брошенки, беспомощно, словно предчувствуя свою скорую незавидную участь, тут и там выглядывали рукавами и штанинами, тоскливо и жалостливо наблюдая за хозяйкой, тоже брошенкой, но ещё не осознававшей этого.

Давно ожидаемое, неотвратимое стало для Любы реальностью. Сколько раз в голове она представляла себе этот момент – момент расставания, разрыва, ухода! И всегда это был спор или хотя бы разговор. Иногда ей казалось, что это будет нервная перепалка, с её криками и слезами, иногда бушующая ссора, с битьем посуды и его дёрганным ломанием сигарет на балконе. Иногда ей виделся спокойный вариант –

естественный диалог между цивилизованными людьми, принявшими решение расстаться.

Но никогда, никогда она не думала, что это будет такое примитивное, подленькой трусцой, тихое бегство! Бегство без объяснений, без ободряюще пустых, но всё же необходимых ей слов вроде «останемся друзьями, нам было хорошо вместе, но это время прошло, ты достойна лучшего», без благодарности, а ведь им всё же есть – точнее, было – за что быть благодарными, – без... без... без...

Боже, ну почему так больно?! Разве она не была к этому готова?! Была и не была... Так часто случается в подобных разызвестных ситуациях, когда правило не имеет исключений, когда почти всё предсказуемо, потому что это было с другими тысячи и миллионы раз; когда знаешь о боли всё, потому что её описали тысячи и миллионы раз, но сейчас эта боль своя, не книжная, не сериальная, не подружкина, не соседкина.

И эта боль, которую сковывали прежде какие-то надежды, сейчас обретала свободу, стремительно, грубо, с феерической силой разматываясь внутри хрупкого её тела. Как опытный хищник, она сперва отняла силу ног, потом, довольная видом поражённой жертвы, но не желающая останавливаться, захотела большего, и тогда кинжальной резью боль ударила в левую грудь. Насытившись слегка, боль решила развлечь себя: наполнив руки женщины отчаянной силой, завожённо стала наблюдать, как добыча отчаянно колотит ими

по полу, как размазывает по щекам слёзы с дешёвой тушью, как обнимает неистово голову и снова колотит, колотит, колотит...

Устав от однообразной картинки, боль пустила в ход последнее оружие – любимое! Добыча замерла, потом рывком оторвала своё тело от пола, некрепкими ногами подошла к дивану, легла лицом в подушку и затихла. Онемение и безразличие по-паучьи быстро, с тонким знанием дела липкой паутиной накрывали её всю. Бесшумно подоспевшая безысходность другим терпеливым пауком ждала своей очереди, равнодушно разглядывая новое прибежище. Притаившаяся грусть, примостившись рядом и в точности повторив позу лежащей, довольно отметила, что здесь всё обещает ей долгий комфорт и покой...

«Дело сделано, – подводя итог, самодовольно улыбнулась боль. – Можно уходить...»

Бросив уже быстрый, контрольный взгляд, боль почему-то остановилась: а ведь что-то с добычей не так. Что не так? Предчувствие чего-то неопределённого, какой-то непредсказуемости осторожным сомнением задержало её. Предчувствие редко её обманывало – точнее, никогда. Что же это тогда может быть? Боль прокрутила в голове воплощённый план – всё разыграно как по нотам. Virtuoz свой любимый концерт исполняет безошибочно! Но что же тогда не так?! Почему же что-то не даёт той полноты, той довольной уверенности, когда знаешь, что всё сделано хорошо и переделка

не потребуется? Боль изучающе смотрела на Нимфу так, как смотрит врач на безнадежного пациента, вдруг вставшего на ноги.

Да, предчувствие не обмануло. Распластанная Нимфа не чувствовала уже той резкой боли, хотя тело, соскальзывающее в оцепенение, словно становилось чужим. Но в этом обволакивающем омуте скольжения она отчётливо различила внутри себя одно движение. Одно движение, крохотное, едва уловимое...

Оно было таким слабым, но новым, и это новое заставило её, почти безжизненную, оторвать голову от подушки. Её взгляд не был ещё осмысленным. Наверное, так смотрят люди после клинической смерти. Они смотрят сперва вокруг удивлёнными глазами, будто не узнают давно обжитого места. Потом замирают со взглядом, обращённым внутрь себя, словно пытаясь мучительно восполнить провалы в своей памяти и вспомнить наконец, что же с ними происходило.

Нимфа села на край кровати. Ослабленной рукой провела по животу, пытаясь понять, что это новое было. Новое откликнулось...

Вы видели, как качнулся, выгибаясь, слабый росток из семечка, как дрогнул цветок, выбросив самый первый лепесток? Видели, конечно, вы видели... Мощные экшен-камеры – привилегия технологического мира – дали возможность быть свидетелями этого чуда, скрытого заботливой природой от посторонних глаз.

Это то самое главное чудо, с которого начинается всё в живой природе, – первый намёк на движение, даже не движение, даже не попытка движения. То, что потом обретёт плоть, суть, станет отчётливым, полновесным, сильным всей той силой, которой наделит его природа, а потом разгадает своё предназначение и будет упрямо ему следовать, сейчас начинается с крохотного признака – первого шевеления, и чуткое женское сердце с первого раза, безошибочно угадывает в себе это материнское всеначало.

Новое откликнулось...

Само ещё хрупкое, оно всё же не могло не откликнуться, не отозваться, не помочь той единственной, которой оно уже всецело дорожило. Само ещё бессильное, оно бросилось защищать свою единственную от страданий, призвав на помощь силу более могущественную, перед которой часто отступает не только боль, но и смерть. Само ещё беспомощное, оно чувствовало, что может помочь, что есть скрытые силы, что его немое обращение безгранично родное сердце, пульсирующее где-то выше, уловит, распознает, расшифрует, поэтому оно найдёт неведомый науке способ отправить его так, чтобы она услышала...

Она услышала. Не могла не услышать...

Нимфа сидела на краю кровати. Её тело ещё оставалось полигоном, на котором сошлись две силы. Сейчас силы затихли, каждой нужно было проверить, какой результат дал весь использованный арсенал.

Ослабленной рукой Нимфа гладила живот, улыбаясь той загадочной улыбкой, какой улыбаются женщины на картинах известных и неизвестных художников. Денис, ещё не зная о том, что он Денис, тоже улыбнулся – улыбнулся в ответ невесомым движением мотылька.

Боль шагнула было вперёд, желая напомнить о себе, но, бросив последний, экспертный взгляд, развернулась боком и, как птица, которую отогнала от лакомого куска птица по-сильнее, убралась, не оглядываясь, восвояси...

Вероника, а лучше просто Ника

Любовь Сергеевна Ефимова шла домой, к сыну. «Надо зайти в магазин. Нет ни мяса, ни молока», – подумала она.

Она не забывала о своём материнском долге – кормить ребёнка. Где-то в потаённых уголках души хранилась печать о том, что она мать, что у неё есть сын, что она должна заботиться о нём. Странная штука – человеческое сознание! Свой материнский долг она свела только к одному регулярному действию – готовить сыну еду. Готовила Любовь два-три раза в неделю. Сама дома почти не ела. Рано утром пила кофе с молоком, набирала в контейнер обед, вечером перебивалась фруктами.

С сыном за столом посиделок не водила, о школе не спра-

шивала. Иногда она интересовалась, что приготовить. Мальчишкой он радостно заказывал всегда выпечку: блинчики, пироги и пирожки. В предвкушении бежал домой, но мать забывала о своём обещании. Денис поначалу расстраивался, ожидая гору домашних вкусностей, но потом привык. И если вдруг мать спрашивала, что испечь, он отвечал всегда одно и то же: «Ничего не надо, мам, всё есть».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.